

О СВЯЗИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И АРГУМЕНТАЦИИ
В ТРАКТАТЕ МАРИЯ ВИКТОРИНА
«DE DEFINITIONIBUS»

Определение и аргументация, на первый взгляд, мало связаны и даже могут исключать друг друга: если есть определение — не нужна аргументация, нет определения — без аргументации, спора не обойтись. Действительно, если у меня, например, есть готовое определение, то о чем мне спорить и что аргументировать? Готовое определение свидетельствует о том, что я перестала искать ответ на вопрос, изучать интересующую меня проблему. Все сказано. Ничего не надо разъяснять, если собеседнику понятен смысл моих слов. Как в готовой картине, о которой художник обычно уже ничего не хочет говорить словами, потому что он все сказал красками.

А вот когда определения еще нет и мы его ищем, тогда и нужна аргументация. Дать определение — значит ли прийти к единому мнению? Когда нужно давать определение — в начале или в конце спора?

Проблемам определения, аргументации, их соотношению посвящен единственный трактат с названием «Об определениях», дошедший до нас от поздней античности. Цель моей статьи — познакомиться с содержанием этого латинского труда. В настоящее время автором трактата «De definitionibus» считается Марий Викторин (280–363). На русском языке работа не издана, однако недавно трактат переиздан на языке оригинала — латыни — и сопровождается переводом на немецкий язык, а также введением и подробнейшими комментариями¹.

Данный трактат долгое время считался принадлежащим Боэцию (480–525) и публиковался среди его произведений, в частности в авторитетном издании Миня в середине XIX в.² Но уже в конце Г. Узенер (H. Usener, 1877) попытался доказать, что автор труда не Боэций, а Викторин. Следом Т. Штангл (T. Stangl, 1888) осуществил образцовое критическое издание произведений Цицеро-

¹ *Victorinus Marius C. Liber de definitionibus. Studien zur klassischen Philologie* / Hrsg. A. Pronay. Bd. 103. Frankfurt, 1997.

² *Boetii A. M. S. Liber de diffinitione. Patrologiae cursus completus. P. Patrologia latina. T. 64* / Ed. J. P. Migne. Paris, 1847. P. 892–910.

на и Мария Викторина, включив указанный трактат в число произведений последнего. Наконец, П. Адо (P. Hadot, 1971), проследив традицию, включил это произведение в общий контекст всего написанного Викториним. В издании 1997 г., которым мы пользуемся, продолжена указанная историографическая традиция. С большим уважением относясь к работе западных исследователей и чувствуя себя не вправе выражать по этой проблеме свое особое мнение, все-таки отмечу, что вопрос об авторстве такого источника не может быть решен окончательно. Поэтому я предлагаю, имея в виду некий обобщенный образ автора — одного из самых образованных людей поздней античности, — обратить основное внимание на изложенные в нем проблемы.

В названный период тема определения была рассмотрена, конечно, и в других трактатах, например в «Браке Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, в комментариях к «Категориям» Аристотеля Александра Афродизийского и Давида Анахта, в «Диалектике» Иоанна Дамаскина и др., но в них она носит по большей части фрагментарный характер.

Поскольку сам автор не указывает своих источников, можно говорить лишь о той традиции, которую он продолжает. В ряду этих имен — Платон, Аристотель, Хризипп, Антипатр из Тарса, Цицерон, Квинтилиан, Гермоген из Тарса, Порфирий и др. Сам автор называет только два имени из данного списка — Аристотель и Цицерон. Также он несколько раз упоминает диалектиков, имея в виду стоиков. Отметим, что Цицерон упоминается 59 раз, в то время как Аристотель — 2 раза. Когда излагается первый вид определения — философское, сущностное, текст указывает на знакомство автора с идеями «Метафизики» и «Топики» Аристотеля, а также «Введения» Порфирия. Анализируя этот вид определения, автор несколько раз указывает на «Топику» Аристотеля, правда, перечисляет и разбирает 5 предикабилей (к тому времени этот термин был уже распространен), как они разработаны Порфирием (не называя его имени).

В некоторых пунктах автор излагает свой взгляд на проблему, не говоря ни слова о том, следует ли он в этом кому-либо или это лишь его частное мнение.

Трактат достаточно объемный. Структура его такова: во введении автор говорит о необходимости определений, далее предлагает данную Цицероном дефиницию самому определению и несколько уточненную свою. Устанавливаются и перечисляются виды опре-

делений. Автор указывает, что список, выбор и нумерация — дело его рук. Определений он перечислил 15 (все названия даны по-гречески). Первое — собственное, философское, остальные 14 — несобственные, риторические. Сначала эти виды излагаются кратко, а во второй части работы автор дает подробный разбор каждого из них с почти обязательным примером из речей Цицерона. Завершая трактат, Викторин разбирает 3 вида ошибок в определении.

Пусть читатель не сетует на тривиальные места в моем изложении трактата. Пусть не забывает, когда написан этот трактат, и обратит внимание на то, сколь неизменны способы аргументации. Автор часто ссылается на «Топику» Цицерона, работу, которая недавно издана на русском языке, но трудна для понимания из-за своего сжатого, конспективного характера. Трактат Викторина позволяет лучше понять «Топику» Цицерона, выступая своеобразным учебником по риторике.

Введение. Знаменательна первая фраза трактата: «В беседах и диспутах речь, названная определением, появляется всегда первой, и об этом напоминают нам уже сами авторы диалектики и весьма часто Цицерон». Веские слова о роли определений и об авторитетах по этому вопросу — диалектиках (стоиках) и Цицероне.

Нельзя начинать спор, если не установить определением предмет обсуждения. Это, впрочем, и удобно, так как объясняет вещь и освещает предмет. Без определений можно было бы обойтись, если бы слова были недвусмысленны и если бы не интерпретировались каждым человеком по-своему. Именно определением снимается многообразие мнений. Но тогда тем более необходимо дать определение самому определению, а также перечислить его виды. Автор приводит определение Цицерона:

Definitio est oratio quae id quod definitur explicat quid sit. «Определение есть речь, которая объясняет сущность того, что определяется.»³

Викторин приводит логический анализ этого определения: родом для определения является речь, а не название события или вещи; а поскольку речью могут быть и рассказ, и призыв, и мольба, то надо прибавить видовое отличие для определения, т. е. это речь, которая объясняет вещь, а не выражает то, что свершилось, как это происходит, например, в рассказе.

Разъяснение автора. Как же понимать видовое отличие в

---

³ Цицерон. Тописка // Цицерон. Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. М., 1994. С. 61.

формулировке определения? Высказываясь о какой-либо вещи, мы разъясняем, либо *что* она есть (*quid sit*), либо *какова* она (*quale sit*). Ответ на вопрос, существует ли вещь, и на вопрос, какова вещь, не будет определением. Им будет такой ответ, который лежит посередине между указанием на существование вещи и указанием на ее качества, ведь определить можно только уже существующую вещь, а тому, кто смог определить, что есть вещь, становится известно и какова вещь. Иначе говоря, определение — это процесс, переход от вопроса о существовании вещи к вопросу о качестве вещи.

Определением пользуются, чтобы вещь, ставшая уже известной, удерживалась в качестве неизменной, фиксированной.

Отличие философского определения от риторического. Всякое определение — либо риторическое (*rhetorica*), либо философское (*dialectica*). Риторическим является то, которое не рассматривает вещь в целом, а членится сообразно содержанию вещи на части, и тогда определение сводится к обсуждению одной из частей. Например, следует определить, что такое осквернение могилы. Определение в целом должно включать как замысел, так и поступок, состоящий в раскрытии могилы с целью украсть оттуда ценные украшения. Суд должен пользоваться определением осквернения могилы как некоторым целым. Но ораторы, выступающие в суде, пользуются частями этого определения: один считает осквернением то, что могила раскрыта, а другой полагает, что осквернение могилы состоит в самом замысле, намерении. Получается, что ораторы пользуются частями определения, а не целым определением.

Такое определение нельзя считать ни достаточным, ни полным, ни прямым. Но риторы признают иногда годной такую речь, которая далека от достойного определения, употребляя, например, сравнения. Так, Туллий, говоря о деньгах, взятых Верресом с помощью своих спутников и слуг, называет этих соучастников *рукой* Верреса.

Из всех риторических определений следует выбрать те, которые хоть и далеки от достоинств определения, наиболее подходят при спорах и пригодны для ораторов (в частности, своим поэтическим выражением). Предписание для таких определений дано в «Риторике» Цицерона.

Процесс такого определения включает в себя четыре этапа. Сначала даем свое собственное определение, потом обосновываем его, далее относим определение к конкретному виду и, наконец, изла-

гаем определение противника с целью показать, какой оно имеет недостаток. В качестве примера приводится Цицероновское определение вражды («Или ты полагаешь, что вражда — нечто большее, чем противное людям намерение и несовпадающие стремления?»), и рассматриваются 4 этапа данного риторического определения.

Философское определение. С этим видом определения автор знакомит читателя подробно и обстоятельно. Философы, пишет он, хотя и пользуются риторическими определениями (как и риторы — философским), однако в философских диспутах они отклоняют все риторическое либо по причине образности этой речи, либо ввиду недостоверного, вероятностного характера этих определений.

Философское определение излагает не свойства вещи, а то, что она есть. Такое определение лежит в основе спора. Цицерон говорит во всех своих философских произведениях, и особенно в «Топике», что определение — один из главных топосов, т. е. мест для аргументов. Греки называют философское определение сущностным — οὐσιώδης, а латиняне — *substantialis*. Оно образуется через указание рода и добавление видообразующего отличия. На примере из Аристотеля автор разбирает определение человека, родом для которого выступает животное. Это и есть определение в собственном смысле — полное и признаваемое философами. Далее автор излагает определение человека, уточненное Цицероном: человек — разумное, смертное, обитающее на земле, двуногое, способное смеяться животное. Автор указывает, что в Цицероновском определении ряд видообразующих признаков доведен до собственного признака, в то время как у Аристотеля совершенное определение может состоять из рода и видообразующего отличия. Утверждение Аристотеля, отмечает автор, полностью согласуется с его собственным пониманием. Другие же авторы, отмечает Викторин, рассматривают определение как органическое тело, членами которого являются род (*genus*), вид (*species*), видообразующее отличие (*differentia*), случайный признак (*accidens*), собственный признак (*proprium*). Но не следует думать, что это противоречит учению Аристотеля — «самого главного представителя нашей науки», а также учению Цицерона, ведь другие философы разработали указанные 5 понятий, и на самом деле совершенное определение состоит из этих 5 составных частей. Аристотель сам учит в «Топике», что имеются род, вид, видовое отличие, собственный и случайный признаки. Но многие философы весьма пространно изложили в своих трудах значение (*vis*) и действия (*potentia*) этих составных частей определения.

Впрочем, добавляет автор, об этих 5 я уже сам подробно писал в одном произведении⁴.

Далее автор снова обращается к Цицерону, в «Топике» которого рассматривается определение гражданского права, а также понятия славы: «Право гражданское есть справедливость, установленная среди сограждан для охраны имущества».

Викторин завершает рассмотрение философского определения трактовкой Цицерона: чтобы познать суть вещи, надо выделить род, потом привести виды с их видообразующими отличиями и, наконец, отделить все остальные виды, чтобы достичь собственного признака.

Прочие виды определений. После этого автор переходит к прочим видам определения, которые можно назвать определениями лишь в переносном смысле, так как они очень несовершенно излагают сущность вещи, хотя и дают возможность легко указать вещь. Цицерон в «Топике» выделил прежде всего три топоса: первый основывается на рассмотрении предмета в целом (*a toto*), второй — на его частях (*a partibus*), третий — на языковом выражении (*a nota*). Применяя аргумент «от целого», мы, конечно же, используем определение, ведь, указывая род, мы ищем целостность предмета. Используя аргумент «от частей», мы также называем это определением, но в переносном смысле, так как вещь в своей целостности познается лишь тогда, когда перечислены все ее части.

Определение «по частям». Итак, Цицерон называет определением ту речь, в которой перечислены все части целого предмета (*enumeratio partium*). Он приводит такой пример: освобождение от рабства предполагает три составные части — свободу получают либо на основе ценза (*sensu*), либо посредством объявления права на свободу (*vindicta*), либо на основе свидетельства. Если нет ни одной из этих частей, то человек не может считаться свободным. Хотя в этом определении указывают не на то, что есть, а на то, чего нет, оно обладает той же убеждающей силой, что и непосредственное утвердительное определение.

Здесь же Цицерон говорит о различии этих двух определений: в первом случае определяется то, что есть (*id quod est*), во втором не указывается собственная сущность (*id quod non est*). В каком же случае они применяются? В той же «Топике» Цицерон указывает:

---

⁴Викторину принадлежит первый перевод на латинский язык «Введения» Порфирия, но не комментарий. Перевод до нас не дошел, но фрагменты его сохранились в первой редакции комментария Бозция к Порфирию.

есть все то, что имеет телесность (*quorum subest corpus*) — вода, огонь и т. д., *нет* того, что не обладает телесной субстанцией (*corporalis substantia*) — благочестие, добродетель, свобода. Автор трактата добавляет: бестелесное, если оно имеет род, то существует — существует в форме качества. Поэтому следует допустить способ определения через отрицание, ведь, указав все части свободы, мы можем определить, чем она не является. Другой пример — определение человека: если это не мужчина и не женщина, то не человек; если не раб и не свободный, то также не человек. Перечисленные качества, хотя и не существенны для определения человека как целого, тем не менее точно указывают на то, что есть человек.

Итак, перечисляя все части, можно определить целое, но не непосредственно.

Далее автор обращает внимание на следующее: при определении путем перечисления частей может случиться, что целое сохраняется не только в совокупности всех частей, но и в каждой отдельной части. Такой случай нередко используют в риторических определениях. Например, оказать военную помощь означает либо принять решение выступить в поход, либо достичь врага, когда нужно будет вступить в бой, либо запугать врага, чтобы он не воевал. Каждая часть является военной помощью. Цицерон весьма часто применял этот метод в риторических определениях.

При членении целого на части не следует стремиться перечислить все части, ибо число их может быть слишком большим или бесконечным. В цицероновском определении гражданского права (*гражданское право составляют законы, обычаи, справедливость*) нет никакой ошибки, хоть оно и не является исчерпывающим (сюда не включены решения сената, эдикты и пр.).

Несмотря на неполноту, можно получить общее представление (*notio*) о гражданском праве.

Итак, определение «частями» дается либо через расчленение (*partitio*), либо через разделение (*divisio*). В первом случае перечисляют части (возможно, не все) целого, во втором — виды некоторого рода. Например, определяя животное, можно перечислить несколько его видов — человек, лошадь, лев, рыба и т. д. и тем самым получить определение. Это будет членение. Если же выделить специфический признак каждого вида, то получится ровно 3 вида (живущие в воде, живущие на земле, живущие в воздухе), перечисление которых составит вместе определение животного.

Конечно, не следует отождествлять род и целое, вид и часть,

однако род выполняет по отношению к видам как бы роль целого (quasi totum). Поэтому столь удобна аналогия рода с целым, а вида — с частью, и поэтому, видимо, диалектики не устаивают ограничений в языке, называя род целым, а вид — частью.

Определение на основе языкового выражения (a nota). Таким определением выступает значение слов (verbum, nomen), в частности сложных слов, которые надо разложить определенным образом. Правда, можно разложить и одно слово. Например, Цицерон говорит, что *верность состоит в том, чтобы исполнять обещанное*. Получается, что «верность» хоть и несоставное выражение, по на самом деле состоит из соединения слов. Греки называют это ἐτυμολογία, Цицерон — veriloquium («истиннословие»). Можно объяснять также слова, изменяя склонение или форму. Так, от «доброты» производно «добро», от «злости» — «зло» (a bonitate — bonus, a malitia — malus).

Теперь обобщим три главных вида сущностных определений: 1) «от целого», 2) перечислением частей и 3) от имени. Однако только первый вид определения позволено считать определением в собственном смысле. Два других лишь претендуют на роль быть определениями, они хоть и указывают (ostendit) на сущность, но делают это в несобственном смысле.

Пятнадцать видов определения «от целого». Автор отмечает, что данный порядок перечисления составлен им самим. Возможно, есть и другие виды определений.

1. οὐσιώδης — substantialis — сущностное
2. ἐννοηματικῆ — notio — понятийное
3. ποιότης — qualitas — качественное
4. ὑπογραφικῆ — descriptio — через описание
5. κατ' ἀντιλεξιν — ad verbum — через пример, слово
6. κατὰ διαφοράν — per differentiam — через отличие
7. κατὰ μεταφοράν — per translationem — через перенос
8. καὶ ἀφάρεσιν τοῦ ἐναντίου — per privantiam contrarii eius — через отрицание противоположного
9. καθ' ὑποτύπωσιν — per quamdam imaginationem — через представление
10. ὡς τύπος — veluti — через пример
11. κατ' ἄλλειπές του πλήρους ὁμοίου γένους — per indigentiam plenae ex eodem genere — через отсутствующую часть целого из того же рода
12. κατ' ἐπαινον — per laudem — через похвалу

13. καὶ ἀναλογίαν — proportio — через соотнесение

14. κατὰ τὸ πρὸς τι — per id quod ad aliquid est — через отношение

15. αἰτιολογικῆ — causam tribunes — называющее причину

Далее автор подробнее рассматривает каждый из видов определения.

1. Сущностное определение. Об этом виде определения было сказано ранее: благодаря ему охватывается сущность вещи.

2. Понятийное (энноматическое) определение дает только лишь представление о вещи, т. е. не объясняет ее сущности, как и все остальные несобственные определения. Таким образом, оно не имеет собственного имени. Получается оно так: после того как назван предмет, объясняют, что есть предмет, не называя его рода. Например: *человек — тот, кто благодаря духовной способности, и прежде всего благодаря способности упражняться в чем-либо, выделяется среди других животных.*

Таких определений у Цицерона очень много: таким способом он объясняет память, понимание, предвидение (*то, в чем будущее открывает себя духу*) и т. д. Энноматическое определение позволяет схватить вещь не в качестве сущности, а лишь по ее проявлению.

3. Качественное определение объясняет вещь, указывая на свойства. Выше был определен человек двумя первыми способами. Третий вид определения будет таким: *человек — существо, в котором имеют место свойства благочестия, справедливости, самообладания, а с другой стороны — злобы, хитрости и другие дурные свойства. Никакие другие животные не проводят жизнь с использованием деятельности рассудка.*

Читателю может показаться, пишет автор, что третий и второй способы определения сходны. Действительно, если указан собственный признак (например, человек — смеющееся существо), то, даже не называя другие свойства, это определение дает представление (notio) о человеке, и в таком случае может быть уравнено со вторым видом определения. Значит, позволительно вместе с другими авторами указание собственного признака называть *качественным* определением. Оба названных определения раньше составляли один вид, но Викторин считает нужным отметить отличие: можно указанием только одного собственного признака предмета, без других свойств, дать полное представление о предмете, а можно и без указания собственного признака сделать ясным предмет определения.

4. Определение через описание. Викторин считает, что этот вид надо поставить на 4-е место, так как этого требует порядок его изложения. Цицерон назвал этот вид 5-м, а на 4-м месте у него — *idem et alterum* (то же самое и другое)⁵. Этот вид объяснения определяет не собственно сущность вещи, а описывает ее окольным путем, словами, речью. Пример: *жадный до наслаждений человек — тот, кто имеет потребность жить в роскоши, которая ему не необходима и стоит ему дорого, приносит с собой затруднения, склоняет к распутству.*

Этот вид определения более свойствен ораторам и, в отличие от философского, не может быть кратким. Поэтому Цицерон советует ораторам чаще отвечать подходящим описанием, к примеру, если надо ответить, кто такой вор, кто осквернитель могил и т. п.

5. Определение через пример, точнее, замена слова другим словом. Способ определения, при котором менее понятное слово объясняется более понятным, например *предел* (*terminum*) заменяем *целью* (*fines*). В «Топике» Цицерон использует этот способ, когда объясняет *место* аргумента (*locus argumenti*) словом *транзитив* (*sedem*).

6. Определение через отличие. Другие авторы учебников, отмечает Викторин, называют этот способ «от того же самого и отличного». Например, если нужно определить царя и тирана, то легче всего это сделать, найдя отличающий их признак. Сущностное определение указывает на один предмет, а данное, по крайней мере, — на два предмета. Эти два предмета родственны друг другу, и, указав их отличие, узнают, что представляет собой каждый из них. Так, *царь — благоразумен и знает меру, тиран — беспощаден.*

7. Определение, при котором используют перенос, отступая от собственного имени предмета. В «Топике» Цицерон приводит следующие примеры метафор: *морской берег — место, где играет волна, старость — закат возраста*⁶. Этот способ применяют в случаях наставления (например, *известность — заслуга предков, для потомков она ноша*), для указания назначения (*голова — вершина тела*), в случае похвалы (*юность — цвет возраста*), в случае порицания (*богатство — слишком большие деньги для пропитания на краткую жизнь*).

---

⁵Который соответственно в списке Викторина стоит на 6-м месте.

⁶Цицерон. Топика. С. 63.

Автор выражает следующие требования к метафоре: она не должна быть слишком сильной и не должна быть неприличной. Примером первой служит такая метафора: *расшатывание государства — хаос законов* (*turba rei publicae chaos est legum*). Такую метафору следует смягчить, что и делает Цицерон в своей речи в защиту Секста Росция, говоря, что некоторые люди, находясь в темноте, приводят всех в волнение, будто (*quasi*) над государством простерлась вечная ночь. Частица *quasi* выражает сравнение, и потому такое выражение можно уже использовать как определение.

Неприличная метафора возникает, либо когда пристойное выражение заменяют неприличным, либо наоборот. Так, когда завершение (*patratio*) совокупления называют слезами утомленной Венеры, используют неподходящую метафору — лучше было бы назвать это напряжением (*sudorem*). И наоборот, если говорят: «слезы — высшая точка (*patratio*) боли», то заменяют слово «слезы» неподходящим выражением. Такие определения не смягчаются частицей *quasi*. Итак, слишком сильных и неприличных метафор следует избегать.

8. Определение через отрицание противоположного: *добро — то, что не является злом* (*bonum est quod malum non est*). Об этом способе автор говорит более подробно. Его следует применять, когда известно противоположное понятие. Такого рода понятия по природе тесно связаны, и познание одного неизбежно предполагает постижение другого. Цицерон таким образом определяет в «Риторике» необходимость. Он называет необходимыми те вещи, которые не могут не произойти и не могут быть не узнаны. То есть необходимость и ненеобходимость даны как противоположности, и если не необходимо все то, что может произойти и может быть узнано, то, отрицая это, мы можем определить, что такое необходимое.

Цицерон рекомендует этот способ для более частого употребления. Например, сущность можно определить как то, что не есть качество, не есть количество, не есть какое-либо другое привходящее свойство. Так же можно определить человека, если отрицать свойство быть человеком у всех животных, составляющих с ним общий род.

Этим же способом можно определить Бога (*deus*). Поскольку мы не можем знать окончательно, существует ли Бог, то следует определить его отрицанием всех существующих вещей, которые у греков называются *ὄντα*. Бог — это не тело, не элемент, не дух, не

душа, не другая какая-либо вещь, которую мы можем познать. Отрицай все виды вещей, можно понять, что есть Бог, в особенности, если добавить, что Бог — *именно* то, что нельзя определить.

Отрицать можно также несущественное свойство или следствие, например: *бодрствование означает пользование чувствами; спать означает не использовать свои чувства так, как при бодрствовании*. Может показаться, замечает Викторин, что такое определение является энтиматическим, но на самом деле энноматическое определение состоит из указания несущественного свойства, а это — из отрицания.

Следующий отрывок из речи Цицерона автор приводит в качестве примера определения из следствий: консул должен быть смелым, осмотрительным, строгим, заботливым, исполнять все требования своего ведомства. Это все следствия сущности консульской службы. Их перечисление дает энноматическое определение. Цицерон доказывает, что Пизон не отвечает должности консула, отрицая противоположное, т. е. показывая, что слова, действия, намерения Пизона не согласуются с указанными выше следствиями.

Итак, задача восьмого способа — отрицать то, что противоположно определяемой вещи.

9. Определение через некое представление, например: *Эней — сын Венеры и Анхиса*. Этот вид определения применяется для указания на отдельного индивида, которого греки называют *ἀτοια*. Желателен этот способ в случае омонимов, правда, когда речь идет о разных индивидах, например об имени двух греческих героев: *Аякс — сын Оилея, и Аякс — сын Теламона*.

Также этот способ удобен, когда бояться произносить чье-то имя, как у Цицерона в речи в защиту Фундация: *ты намекаешь на своего друга, стараниями и влиянием которого стало возможно то, что ваша жалоба была принята?*

Такое определение похоже на четвертый вид, на описание, однако отличается от него тем, что здесь мы описываем одного определенного человека в отношении его происхождения, места рождения, телесных свойств, действий, его судьбы и образа мыслей

10. Определение через пример. Если спросят, что есть животное, можно ответить — человек. Этим же способом Аристотель определил сущность: «Сущность, коротко говоря, — это, например, человек»⁷. Пример объясняет вещь и этим близок определению.

⁷ Аристотель. Категории // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 55.

11. Определение через отсутствующую часть целого из того же рода. Если, к примеру, спрашивают, что такое четверть асса, то следует ответить: *деньга, которой до полного асса не хватает трех четвертей*. По-видимому, математика часто пользуется этими определениями.

12. Определение через похвалу (либо, в ином случае, через осуждение). Пример из речи Цицерона в защиту Клуенция: *закон — ум, душа, совет и суждение гражданского общества (lex est mens et animus et consilium et sententia civitatis)*. Цицерон хочет сказать, что основа гражданского общества — закон, но выражает эту мысль, дав при этом похвальное определение закону. Причем это определение отличается от метафоры, ибо душа граждан действительно основана на законе, однако это определение не может быть и сущностным, так как душа не есть род для закона.

В равной степени это определение можно применять, когда выражают осуждение. У Цицерона: *рабство — худшее из зол, которое следует отражать не только войной, но и смертью*. Хотя перед этим предложением Цицерон сказал, что между миром (рах) и рабством (servitus) есть существенное различие, это не значит, что он дает определение через различие. Наоборот, сначала он определяет каждое из двух понятий в отдельности, а потом сравнивает их. Мир он определяет как безмятежную свободу (рах est tranquilla libertas). Это определение мира можно было бы считать энноматическим, в котором определением выступает следствие определяемого понятия, т. е. безмятежная свобода — следствием мира, но это не так. Здесь основным выступает осуждение: *рабство — худшее из зол*. Это определение не является и сущностным, так как зло не есть род для рабства, потому что эти две вещи различны: зло — качество, а рабство — отношение. Итак, данное определение рабства следует считать определением в форме осуждения.

13. Определение через соотнесение. Такое определение образуется, когда сопоставляют две вещи, и одна из них на основании подобия называется именем другой. Можно также объяснить нечто маленькое через обозначение чего-либо значительного, большого. Так, греки определяют человека как микрокосм (*άνδρωπος μικροκοσμος*), тем самым объясняя сущность малого через большое. Цицерон дает определение через аналогию, говоря, что тот, кто придает эдикту большую значимость, называет эдикт претора законом на весь год.

14. Определение через отношение, например: *отец — тот, кто имеет ребенка*. У Цицерона в письмах о риторике дан такой пример: *род есть то, что охватывает несколько частей, видов, а часть, вид есть то, что подчиняется роду*.

15. Определение, называющее причину, например: *день это есть нахождение солнца над землей, а ночь — это нахождение солнца под землей*. Таким образом, причиной дня (соответственно ночи) является нахождение солнца над землей (либо под землей).

Завершая перечисление, автор отмечает, что, возможно, есть и другие виды определений. Если кто-то их найдет, он может присоединить к имеющимся. Однако при этом он должен тщательно проверить, не подчиняются ли прибавляемые определения тем, которые уже выработаны автором. Викторин полагает, что хотя некоторые из перечисленных им видов определений могут показаться несамостоятельными, подчиненными другим, но и при более близком рассмотрении придется признать, что виды различаются в значительной мере и что его труд не был напрасным. И здесь он еще раз напоминает, что настоящим определением является только то, которое начинается с рода и через видообразующий признак достигает собственного признака определяемой вещи.

Ошибки в определениях. В упомянутом сущностном определении можно сделать две ошибки: речь, которая определяет, содержит в первом случае больше, а во втором — меньше, чем сам предмет в своей целостности. На самом деле слово и речь должны сопоставляться в равной мере. Так, на вопрос «что есть человек?» дают такой правильный ответ: *человек — живущее на земле, разумное, смертное, двуногое, способное смеяться животное*. Если поменять вопрос с ответом, ответ («человек») все равно остается правильным. Если же скажут, что *человек — существо одушевленное и способное к чувственному восприятию*, то хотя человек определяется этими качествами, но, если поменять местами вопрос и ответ, ответ не будет правильным. Потому что не только человек обладает душой и чувственным восприятием. Это определение содержит ошибку — избыток (*abundantia*), так как охватывает больше, чем предмет, о котором спрашивают.

Вообще определение ошибочно, если в нем указано нечто выше (*ultra*) рода: род проясняет предмет лучше, если он стоит ближе к нему.

Во втором виде определения охватывают меньше, чем требуется, например: *страсть есть желание чуждого имущества*. Здесь не

определения к особому случаю и опровержение определения противника.

Цицерон определяет акты главы государства как законы, а Антоний — как частные приказания. Цицерон раскрывает все четыре шага. Сначала он дает свое определение актов главы государства как законов. Вторым шагом идет обоснование: *спроси об актах Гракха — предложат законы Семпрония, спроси о действиях Суллы — привнесут законы Корнелия. Третье консульство Помпея на каких актах основано? На законах.* Следующий, третий, шаг — применение определения к данному частному случаю: *если ты спросишь у Цезаря, какие действия он совершил в Риме, он ответит, что внес много превосходных законов.* Четвертый шаг — опровержение определения противника. Опровержение можно производить двумя способами: либо показать, что определение противника содержит одну из перечисленных ошибок, либо, приняв сначала высказывание противника и сравнив со своим, показать, что собственное определение более соответствует действительности. В своей речи Туллий делает и то и другое. Сначала он выискивает ошибки, чтобы показать, что определение противника ложно и непригодно, а потом, признав некоторую правоту противника и сравнив его определение со своим, обеспечивает своему определению правильность и больший вес. Опровержение определения противника сводится к тому, чтобы исследовать следствия из него. И в случаях, если а) речь противника не содержит собственного признака определяемой вещи, или б) она содержит признак, противоположный собственному, или в) следствия не подтверждаются, или г) содержание речи отлично от мнения большинства людей, — то определительная речь признается ложной.

Как Цицерон опровергает определение Антония, что акты правителя — это частные постановления? Поскольку деятельность правителя публична, то, создав акт, он не сможет его больше изменить. В этом сущность закона, и поэтому законодатель, после того как он издал закон, больше его не меняет. Частные же постановления — следствия частных действий, они изменчивы и часто не публикуются. Поэтому частные постановления правителя не являются актами, не влекут за собой никаких действий в качестве следствий.

Можно признавать и частные приказы, смотреть на некоторые из них сквозь пальцы, но при важных обстоятельствах, т. е. в случае законов, акты Цезаря не должны срываться. Из определения Антония Цицерон выводит и такое следствие: *тогда то, что Цезарь*

записал в книжку для того, чтобы не забыть, можно причислить к его актам и придать им силу.

Справедливость — добродетель, которая по существу нравственна, несправедливость — порочна. Этими словами Цицерон доказывает порочность определения Антония. И добавляет в качестве уступки: *то, что Цезарь проделал для народа в центуриатских комиссиях, не должно причисляться к актам.*

На этом заканчивается трактат Викторина, посвященный определениям.

Заключение. Обращение к трактату «De definitionibus» убеждает нас, что его перевод, публикация и обсуждение позволят лучше понять становление теории определения, а возможно, выявят новые факты для разрешения вопроса об авторстве этого сочинения. Работа ценна прежде всего в историческом плане. Она заполняет пробел в историко-логических исследованиях, посвященных риторике стоиков. В частности, показывает, что стоики знали теорию определений Аристотеля и дополнили ее перечислением других способов определения.

Автор монографии пытается проявить самостоятельность как в порядке изложения видов определения, так и в подборе примеров. Трактат излагает если не теорию определения, то, по крайней мере, довольно полное учение об определении, его видах и ошибках.